

Кроме того, давай подумаем: у твоего А-Мо на лице родимое пятно, и еще не слыхивали, чтобы родимые пятна можно было вылечить. Старик Линь, ты и впрямь донельзя глуп, неужто так помешался на том, чтобы заполучить богатого зятя? Боюсь, если наш дом не возьмет твоего А-Мо замуж, он останется никому не нужным до конца своих дней...

Чжао Да-чун бросил на У Цин-юаня пару взглядов, но не поверил и снова залился ха-ха-ха.

— Ах ты ублюдок, Чжао Да-чун! Ну погоди, я тебя сейчас избью до смерти!

Старику Линь-отцу было больнее всего слышать, как кто-то оскорбляет его дитя, и он тут же взорвался. Прихрамывая, он бросился на Чжао Да-чуна.

Хотя он и был хромым, руки у него оказались сильными. Чжао Да-чун обладал острым языком, но драться не умел, а потому, завидев, что тот несется на него, принялся уворачиваться.

При этом он по-прежнему не собирался исправляться: увертываясь, он продолжал высмеивать старика Линя и бросать издевательские фразы вроде: «Ну же, ну, давай ударь меня», пользуясь тем, что из-за больной ноги старик Линь никак не мог его догнать.

У-у-жасно надоедливо!

Уставившись на двух старикашек, устроивших переполох, У Цин-юань мысленно выругался, а затем быстрым шагом подошел ближе, протянул руку, впился в воротник Чжао Да-чуна и одним рывком вытянул его прямо перед стариком Линем.

Ударив ногой по груди Чжао Да-чуна и прижав того к земле, он бесстрастно и спокойно произнес:

— Дядя Линь, бейте. Он сам попросил вас нанести удар, и даже если мы отправимся к чиновникам в уездную управу, правда будет на нашей стороне. Если вы действительно пораните его, серебро на компенсацию я вам помогу раздобыть.

— Отлично!

Успевший запыхаться от погони старик Линь радостно засиял и церемониться не стал. Прихрамывая, он подошел, сжал кулаки и обрушил на Чжао Да-чуна град свирепых ударов. Этот старый ублюдок посмел заявить, что его А-Мо не сможет выйти замуж — прибить до смерти!

Чжао Да-чунь и раньше не равня старика Линю, а теперь его еще и прижал У Цин-юань, лишив возможности сопротивляться и контратаковать. Оставалось лишь принимать удары кулаков старика Линя и оглашать окрестности воплями.

Когда гнев старика Линя наконец поутих, лицо Чжао Да-чуна превратилось в сплошной синяк, а сам он уже охрип и не мог издавать звуков. На вид казалось, что он тяжело ранен, но на самом деле все ограничилось лишь поверхностными повреждениями — жизни это не угрожало. Старик Линь не был дураком, чтобы выпускать пар ценой собственных проблем с законом.

— Брат У, пойдете.

Стерев со лба пот, старик Линь с легким на душе и освеженным сердцем окликнул У Цин-юаня, предлагая убраться восвояси.

У Цин-юань кивнул, убрал ногу и зашагал следом.

Отойдя на приличное расстояние, он спросил старика Линя:

— Дядя, а кто был этот человек? Выглядит чертовски противно...

— И то верно, мерзость редкостная! Из деревни Чжао. Эта парочка супругов — люди нечестные, так и норовят забрать моего А-Мо к себе в дом, чтобы он пахал на них как вол. Их сынок еще куда ни шло, но каким бы работающим и хорошим управляющим зерновой лавки он ни был, с такими родителями я всё равно не согласен на этот брак, хмф!

— Зерновая лавка в городе? Его сын случайно не в той самой лавке Цяней работает?

— Именно так, брат У, откуда ты знаешь?

— О, в прошлый раз, когда я был в городе, я видел молодого человека, очень похожего на только что ушедшего старика Чжао. Вы заговорили о нем, и я догадался. Только, дядя Линь, почему вы говорите, что его сын хочет жениться на А-Мо? Разве тот уже не женат? В тот день я видел, судя по всему, у него с женой прекрасные отношения: они вместе ходили по лавкам всякой всячины, купили румянец, пудру и сладости на пол-ляна серебра. С чего бы им вдруг сватать сыну другую жену?..

— Что?! Ты видел, как этот малец Чжао Хай-шэн гулял по улице с девицей, покупал пудру и сладости? Да еще и потратил пол-ляна?!

Шедший рядом старик Линь внезапно остановился и резко развернулся.

— Угу, прямо в той лавке по фамилии Ян. Мне просто запомнилось, что они отвалили столько серебра только за одни сладости. К чему вы спрашиваете, дядя Линь? Что-то не так?

Лицо У Цин-юаня выражало крайнее недоумение, в то время как в душе он улыбался — память у него действительно была отменная, стоило побывать в каком-то месте хоть раз, и он помнил его во всех деталях.

— Что не так? Да всё не так! Сын семьи Чжао вовсе не женат! Покупает чужим девицам румяна да пудру, а сам приходит к моему А-Мо и вьется вокруг него, выказывая фальшивую учтивость! Тьфу, а я-то думал, Хай-шэн не в отца с матерью пошел, оказывается, у них у всех одна семейка — одно поле ягоды!

Старик Линь безоговорочно верил У Цин-юаню и ни капли не сомневался в его словах, отчего его лицо побагровело от гнева.

— Дядя Линь, не сердитесь так, мало ли, вдруг вышла ошибка. Впрочем, можете быть спокойны, я обязательно помогу А-Мо исцелить лицо, а уж тогда желающих взять его в хорошие семьи найдется пруд пруди. Даже если вылечить не удастся, мне и самому кажется, что А-Мо очень хорош собой, к тому же прекрасно готовит и ведет хозяйство...

— Точно! Мой А-Мо во всем хорох, кроме лица!

Разозленный старик Линь вмиг успокоился, и на его старом лице появилась довольная улыбка. Он хлопнул У Цин-юаня по плечу, находя его всё более и более приятным во всех отношениях: вот что значит человек бывалый и знающий свет!

— Это потому, что у вас, дядя Линь, отличная генетика.

— А? Генетика — это еще что?

— Ну, кровное родство. В молодости вы, должно быть, выглядели могучим и статным, поэтому А-Мо и Тянь-бао выросли такими красавцами. Особенно А-Мо — когда его лицо заживет, он станет самым красивым юношей во всей деревне.

У Цин-юань с бесстыдным видом продолжил рассыпать комплименты.

— И всё же, брат У, у тебя есть глаз...

Старик Линь расцвел от похвал, и уголки его глаз, испещренные глубокими морщинами, счастливо сузились.

Глава 26

Глава 27. Мысли семьи Чжао

Задав Чжао Да-чуну хорошую трепку, старик Линь и У Цин-юань неторопливо продолжили путь обратно к усадьбе Линей.

Старик Линь ни капли не боялся, что Чжао Да-чун вздумает искать с ним встречи ради мести.

Сам виноват — язык без костей, посмел оскорбить его ребенка. К тому же характер у Чжао Да-чуна испокон веков был трусливым: он мастак лишь языком молоть, а до реальных дел у него кишка тонка.

С другой стороны, после ухода парочки у Чжао Да-чуна действительно не нашлось смежности качать права. Не повезло ему сегодня: обычно он привык пользоваться тем, что у старика Линя хромают ноги, но на сей раз подвернулся У Цин-юань и помог, так что получил он по заслугам.

Да и какого нрава старик Линь, тот прекрасно знал. Стоит задеть вопрос, касающийся его детей, как этот покладистый с виду человек превращается в безбашенного бешеного пса — кто в здравом уме станет с таким связываться?

Так что побои сошли ему даром. Чжао Да-чуну оставалось лишь молча прижимать руки к распухшему лицу и плестись домой. На душе у него скребли кошки: старик Линь ударил слишком больно! Он ведь просто пару слов сказал, а его изукрасили вот до такого состояния. А то, что парень из семьи Линь уродлив — чистая правда, он ведь не солгал!

Вернувшись в мрачном расположении духа, он столкнулся со своей старухой Лю-ши, которая тут же принялась расспрашивать о случившемся. Выслушав рассказ, она презрительно выплюнула брань:

— Сам виноват! Прекрасно знаешь нрав этого старика Линя, а все равно полез задирать. Получил по заслугам, безмозглый чурбан!

Лю-ши не выразила ни капли жалости. Если кого и винить, так это ее собственного мужа, у которого ума палата, а тяга к авантюрам неисчерпаема.

— Я же чистую правду сказал! Ты посмотри, во что меня превратили! Бьет со страшной силой... Нет, спускать такое нельзя. Старуха, завтра же ступай к свахе, пусть немедленно отправляется сватать младшего Линя! Старик Линь души не чает в своем уродливом сынке, и если он хочет, чтобы тот жил припеваючи, посмотрит еще, посмеет ли он распускать руки на своего будущего свата!

Чжао Да-чун никак не хотел смириться и, морщась от боли в синяках, заскрежетал зубами:

— Всё еще качаешь права? Раз знаешь, как старик Линь трясется над своим чадом, зачем полез воспитывать его младшего? Женишь его — заставишь работать, вот и всё. А посмеешь тронуть хоть пальцем — старик тотчас бросится на тебя насмерть. Дурак! — гневно обругала мужа Лю-ши.

Ее благоверный был человеком без царя в голове. Взять младшего паренька из семьи Линь в дом в качестве работника — это одно, но вот распускать руки и пытаться его «воспитывать» — ни в коем случае. Если первое для невестки или зятя, переступившего порог чужого дома, норма, то за рукоприкладство старик Линь спустит с них шкуру и на этом не успокоится.

— Впрочем, если подумать, хозяин, нам действительно пора идти к свахе и поскорее забрать младшего Линя в наш дом.

— Чего? Я ж только что сгоряча ляпнул, неужто ты всерьез собралась к свахе? Старик Линь заломит за выкуп целых два ляна серебра!

Услышав смену тона из уст собственной жены, Чжао Да-чун в испуге подскочил.

По деревенским обычаям сватовства, за девушку платили один лян выкупа, а за юношу-омегу — пол-ляна медными монетами. Старик Линь и сам был не прочь поскорее сплавить Линь А-Мо в чужой дом, а потому никогда не стал бы чинить препятствия из-за выкупа, наоборот — он уже давно приготовил для него богатое приданое.

Однако это правило действовало лишь в том случае, если свататься приходила приличная семья. Благосостояние клана Чжао было средненьким, но вдобавок к этому оба супруга отличались мелочностью и корыстолюбием, из-за чего репутация у них была паршивой, и никто в деревне не желал родниться с ними.

А-Мо из семьи Линь такой уродливый, а заносчивые и жадные Чжао вдруг изъявили желание его посватать — их тайные помыслы были очевидны каждому. Разве мог старик Линь отдать своего любимого ребенка на растерзание и мучения в этот дом? Разумеется, он ответил отказом. После нескольких ожесточенных ссор с кланом Чжао он специально заломил цену в два ляна серебра, надеясь, что они отступятся сами.

Денег у семьи Чжао не было, а отдавать два ляна за омегу с такой жуткой внешностью они не хотели. В итоге дело заглохло. Чжао рассчитывали, что со временем брак Линь А-Мо затянется, тот постареет, его ценность упадет еще ниже, и раз уж его никто не захочет брать, им удастся заполучить его едва ли не даром, заставив старика Линя самого умолять их о женитьбе.

Но кто же знал, что старик Линь окажется настолько несговорчивым! Теперь дело затянулось до того, что Линь А-Мо почти исполнилось девятнадцать, а он всё еще сидел дома, руша все их планы пожить за чужой счет. Чжао Да-чун то и дело нагло называл старика Линя сватом исключительно ради того, чтобы еще сильнее испортить репутацию А-Мо и не оставить тому иного выхода, кроме как выйти замуж за их семью.

Конечно, платить два ляна выкупа за омегу — убыточное дело, но бывают исключения.

Лю-ши дернула мужа за рукав, заставляя снова сесть, и продолжила:

— Два ляна за омегу — многовато, не спорю. Но ведь этот паренек умеет работать! Ты же сам видел, как с детства он помогал отцу возиться на земле. Их надежды славятся по всей деревне как самые ухоженные. Да и отец в нем души не чает, приданого точно даст немало. Не прогадаем, если возьмем его.

— А если старик Линь не даст приданого? Тогда мы в полном убытке! На эти два ляна наш Хай-шэн какую угодно красавицу мог бы взять, с какой стати нам жениться на этом уродце из семьи Линь?.. — кругозор Чжао Да-чуна ограничивался парой шагов перед носом.

— Назвал тебя жуком — и то верно! Не даст — и не надо. Если приданого не будет, будем считать, что мы этого парня просто купили. Когда он окажется у нас в доме, нам будет плевать, что там думает старик Линь! Разве два ляна за крепкие рабочие руки — это не выгодно?

Лю-ши закатила глаза на слова мужа.

— Короче говоря, я тебе так скажу: даже если старик Линь потребует два ляна, нам нужно как можно скорее выкупить его младшего. Хай-шэн только что передал весточку, что его назначение на должность управляющего почти решенное дело...

— Правда?! — обрадовался Чжао Да-чун.

— Раз весточку прислал, разве может быть ложью? — Лю-ши тоже заулыбалась.

— В письме Хай-шэн пишет, что как только вступит в должность, сразу же женится на девчонке Бао-чжу. Сам знаешь, хоть она всего лишь служанка, но выросла в доме Цяней, прислуживала самой старой госпоже Цянь. И ест, и одевается лучше нас, деревенских. Разве станет она работать после замужества в нашем доме? Разве станет относиться к нам как к обычным деревенским женам? Не забывай, место управляющего Хай-шэн получил благодаря ей. Приведем ее в дом — и что, нам теперь перед ней на цыпочках ходить, тебе или мне ее обслуживать? Если сейчас же не посватаем парня из семьи Линь, как только эта девчонка переступит наш порог, нам, старикам, придется прислуживать ей горшками! Да и к тому же в этом году начнется осенняя жара, Хай-шэн не сможет вернуться на помощь, если мы не найдем еще одни рабочие руки, как мы вдвоем со всем справимся?..

Лю-ши методично, пункт за пунктом, разложила всё по полочкам для Чжао Да-чуна.

Вообще-то, при иных обстоятельствах их семья тоже не горела желанием брать в дом Линь А-Мо. Работать-то он умеет, но ведь на свете полно трудолюбивых омег! Кто станет платить выкуп за омегу с такой пугающей внешностью, которую стыдно вывести в люди и показать родственникам?

Но проблема заключалась в том, что их сынок подцепил в городе золотую рыбку — служанку из личных покоев госпожи Цянь. Продвижение их сына полностью зависело от этой девчонки, за ее спиной стояли влиятельные люди, и после замужества с ней нельзя было обращаться как с деревенской простушкой, придется ублажать ее как предка.

Заставлять свекра и свекровь прислушивать невестку — какая же семейка на это пойдет? Нанять прислугу им было не по карману, поэтому взгляд их упал на никому не нужного Линь

А-Мо. Один омега заменял полноценную рабочую силу, да и семья Линей жила неплохо, так что приданого будет вдосталь. Пусть лицом не вышел, но зато после свадьбы в доме появится бесплатная рабочая сила — в любом случае в накладе не останутся!

— Жена, твоя правда. Выбери день, сходи к свахе, пусть поскорее притащит этого парня в наш дом для работы. Я вовсе не намерен выслуживаться перед невесткой...

Хотя кругозор Чжао Да-чуна был узок, сообразительности ему хватало. Как только Лю-ши разложила всё по полочкам, все его возражения мгновенно испарились, и он яростно закивал.

Лю-ши тут же расплылась в улыбке, и оба супруга преисполнились самоуверенности.

Разговоры супругов Чжао оставались тайной для всех, однако старик Линь, услышав от У Цинюаня рассказ о том, как Чжао Хай-шэн покупал румяна и пудру другой девице, все-таки затаил подозрения.

Дело было не в том, что старик Линь отличался особой проницательностью, просто в любой деревенской деревне на месте Линя каждый поступил бы точно так же.

Будь то в древности или в современность, вряд ли кто-то поверит в чистую и невинную дружбу между мужчиной и девушкой, которые вместе гуляют по магазинам и делают покупки. Особенно в суровые времена древности, когда отношения между полами регламентировались строгими правилами, а подобное поведение считалось уделом исключительно мужа и жены.

Раз Чжао Хай-шэн вел себя подобным образом, это означало лишь одно: он уже давно выбрал эту девицу себе в жены. Но тогда почему, возвращаясь в деревню, он всякий раз являлся в дом Линей с гостинцами, брался за любую работу и вился павлином? Это же был эталонный пример попытки усидеть на двух стульях!

В древности мужчинам дозволялось иметь жен и наложниц, но позволить себе это могли лишь богачи, а в деревнях мало кто женился дважды. Старик Линь изначально не желал родниться с Чжао, а теперь, когда выяснилось, что Чжао Хай-шэн пытается вести двойную игру, его ярость не знала границ.

Его собственный сын во многих вещах сообразителен, но вот в сердечных делах — абсолютный чистый лист, обвести его вокруг пальца проще простого. Отцу приходилось держать руку на пульсе.

Памятуя об этом, старик Линь забросил подработку в поле и целыми днями дежурил дома. Даже отправляясь на сельскохозяйственные работы, он больше не жалел сил понапрасну, а брал Линь А-Мо с собой, то и дело наставляя его держаться подальше от членов семьи Чжао и ни в коем случае не иметь с ними дел!

Про то, что Чжао Хай-шэн ухаживает на два фронта, он сыну рассказывать не стал. И без того парень с детства страдал от насмешек из-за своей внешности, и если он узнает, что единственный человек, проявлявший к нему «интерес», ведет себя точно так же, какой же удар это нанесет по его психике? Неужто он окончательно разочаруется в жизни? Так что лучше ему оставаться в неведении.

Если уж старик Линь не решился открыть правду сыну, то У Цин-юаню, чужаку, тем более не стоило лезть не в свое дело.

Хотя в глубине души он очень хотел, чтобы Линь А-Мо узнал правду, опасения старика Линя были не лишены оснований. Как бы ни был оптимистичен и жизнерадостен Линь А-Мо, издевательства, преследовавшие его с малых лет, глубоко подорвали его самооценку. Еще один удар мог сломить его окончательно — трудно даже представить, как сильно он будет страдать.

Поэтому он не стал болтать языком понапрасну, а вместо этого сосредоточился на лечении лица Линь А-Мо. Каковы бы ни были грязные замыслы семьи Чжао, теперь, когда старик Линь насторожился, осуществить их станет не так-то просто.

Что же до самого А-Мо... Если Чжао Хай-шэн и казался ему приятным, то лишь потому, что с малых лет никто и никогда не проявлял к нему симпатии. Он понятия не имел, что такое настоящая привязанность, просто чувствовал себя брошенным, а поскольку Чжао Хай-шэн относился к нему чуточку лучше остальных, он счел, что должен быть доволен и этим, подсознательно убеждая себя в этом из-за заниженной самооценки.

Стоит лишь вылечить его лицо, избавить от насмешек, вернуть ему право на равное отношение и счастье, как все проблемы разрешатся сами собой.

Глава 28. Двусмысленность на горном склоне

Уровень способностей У Цин-юаня к стихии дерева уже достиг продвинутой ступени, поэтому исцелить лицо Линь А-Мо не составляло особого труда и не требовало много времени.

Однако он был человеком осторожным — суровая школа апокалипсиса научила его многому. Он вовсе не желал привлекать к себе лишнего внимания и прослыть белой вороной, а потому не собирался исцелять Линь А-Мо за один миг. В конце концов, даже прославленные целители древности не обладали столь чудесной скоростью.

Пока его собственный дом досохнет и они смогут переехать, У Цин-юань проводил время либо за составлением планов по развитию углежжения в своей комнате и изучением местной письменности, либо отправляясь с Линь А-Мо в горы за целебными травами для лечения его кожи.

Травы росли в глубоких чащах, дорог У Цин-юань не знал, поэтому проводником выступал Линь А-Мо. Выйдя из деревни, они направились на восток вдоль небольшой речушки, что и было

началом тропы в горы.

Деревня Люшу отличалась вполне сносным уровнем жизни, все жители промышляли земледелием. Стоило им покинуть селение, как перед глазами У Цин-юаня открылся пейзаж: вокруг деревни Люшу неоглядными волнами раскинулись обширные поля.

Стоял август, урожай на полях уже наливался спелостью в ожидании жатвы. Идиллический пейзаж со зреющими плодами дарил ощущение умиротворения и безмятежности первозданного рая, радуя глаз и успокаивая душу. Шагая вперед, У Цин-юань болтал с Линь А-Мо, расспрашивая о местных легендах и деревенском быте.

По правде говоря, для исцеления лица Линь А-Мо никакие травы были не нужны — У Цин-юань затеял это лишь для отвода глаз. Впрочем, собранные растения вовсе не были бесполезными: хоть шрамы они не уберут, но обладали прекрасными общеукрепляющими свойствами, и отвары из них приносили лишь пользу организму.

В медицине он особо не разбирался, но в прошлой жизни в период апокалипсиса ресурсообеспечение рухнуло, лекарств катастрофически не хватало. В то время, когда экология Земли стремительно возвращалась к дикому первозданному состоянию, пришедшая в упадок традиционная китайская медицина вновь возродилась, и люди стали массово изучать целебные свойства растений. Кое-что перепало и ему.

Линь А-Мо в лекарственном деле не смыслил ни капли, но, видя, сколько полезных кореньев они накопили, радовался как ребенок. Всё это предназначалось для его исцеления! С этими травами его лицо наконец станет красивым, и больше никто не посмеет смотреть на него с презрением.

Поэтому всю дорогу он проявлял к У Цин-юаню особенную заботу: то протягивал флягу с вопросом, не хочет ли брат У пить, то совал лепешку, интересуясь, не проголодался ли он, то доставал чистый платок, предлагая утереть пот. Щебеча без умолку, точно птаха, он и впрямь оправдывал звание болтушки.

Сам У Цин-юань предпочитал тишину, но почему-то сейчас этот звонкий щебет над ухом вовсе его не раздражал. Физическая форма у него была отменная, в воде и пище для восстановления сил он не нуждался, но отказывать не стал и послушно принимал всё подряд.

Особенно это касалось платка, который протянул Линь А-Мо. Почувствовав исходивший от ткани юношеский свежий аромат, он неожиданно ощутил легкий трепет в груди, а после того, как утер лицо, расставаться с вещицей ему вовсе не хотелось.

— А-Мо, я постираю этот платок и верну тебе позже...

Сжимая в ладони пахнущий свежестью кусок ткани, У Цин-юань действительно не желал отдавать его назад. Бормоча объяснения, он поспешно сул платок за пазуху, не оставляя

собеседнику шансов на возражение.

— Хорошо. Брат У, давай еще немного отдохнем, а когда солнце чуть спадет, продолжим собирать травы. О, я же прихватил с собой фрукты, угощайся.

Линь А-Мо не заметил странностей в его поведении, кивнул и протянул ему уже очищенный мандарин, проявляя максимум заботы.

У Цин-юань, конечно же, принял угощение. Откусив дольку, он почувствовал, что сегодняшний фрукт на редкость сладкий, и протянул другой кусок обратно Линь А-Мо. Заметив, что теперь они едят из одного плода, он вновь почувствовал, как сердце на мгновение замерло, а грудь наполнилась удивительным теплом.

У Линь А-Мо не было стольких тайных мыслей. Поделиться одним фруктом — это же не надкусить одно яблоко на двоих; деревня жила бедно, и делиться хорошими вещами с ближними считалось обычным делом.

Поедая фрукты и болтая, они продвигались дальше, как вдруг глазастый Линь А-Мо заметил на ветке дерева птичье гнездо и несказанно обрадовался.

— Брат У, подожди меня внизу.

Оставив вещи на земле, он засучил рукава и, бросив короткую фразу У Цин-юаню, легко и ловко взрабкался по стволу вверх, не испытывая ни малейшего страха.

<http://bllate.org/book/20032/1977525>